

**МИСС ПИМ
РАССТАВЛЯЕТ ТОЧКИ**

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Звонил колокол. Назойливо, требовательно, раздражающе.

Звук разносился по тихим коридорам, бесстыдно разрушая утреннюю тишину. Сквозь распахнутые, словно зевающие рты, окна, смотревшие внутрь небольшого четырехугольного двора, оглушительный трезвон выливался в безмолвие залитого солнцем сада, где трава была еще седой от росы.

Маленькая мисс Пим зашевелилась, еще в полусне приоткрыла серый глаз и, не глядя, потянулась за часами. Часов не было. Она открыла второй глаз. Кажется, не было и ночного столика. Ну конечно, теперь она вспомнила. Вчера вечером она обнаружила, что никакого ночного столика нет. Ничего не поделаешь, часы пришлось положить под подушку. Она сунула туда руку и попыталась нащупать их. Силы небесные, ну и трезвон! Отвратительно. Часов под подушкой не было. Но они должны там быть! Мисс Пим подняла подушку и обнаружила под ней только батистовый платочек с веселым бело-голубым рисунком. Она положила подушку на место и, нагнувшись, заглянула в пространство между кроватью и стеной. Да, там лежало что-то, похожее на часы. Распластавшись на животе и опустив руку, мисс Пим с трудом дотянулась до них, захватила кончиками большого и указательного пальцев и осторожно подняла. Если она теперь их уронит, придется выбираться из постели и лезть под кровать. Со вздохом облегчения она перевернулась на спину, торжествуя держа часы перед собой.

На часах было половина шестого.

Половина шестого!

У мисс Пим перехватило дыхание, и она в изумлении вытаращила глаза, не веря себе. Неужели и правда в каком-нибудь колледже — пусть даже физического воспитания — начинают день

в *полшестого*! Конечно, в заведении, где не испытывают необходимости ни в ночных столиках, ни в настольных лампах, всего можно ожидать — но в *полшестого*! Мисс Пим поднесла часы к своему маленькому розовому ушку. Они честно тикали. Она перевела глаза на видневшийся в окне за кроватью сад. Да, действительно, еще очень рано; весь мир выглядел так, как бывает только ранним утром, — неподвижно, призрачно. Ну-ну!

Вчера вечером Генриетта, стоя в дверях комнаты мисс Пим и заполняя их своей крупной величественной фигурой, сказала: «Спокойной ночи. Студентки в восторге от твоей лекции, дорогая. Увидимся утром». Но предупредить о звонке в половине шестого ей не пришло в голову.

Ладно. Это ее не касается. Когда-то и она вела жизнь по звонкам, но это было давно. Почти двадцать лет назад. Теперь в жизни мисс Пим звонок раздавался только тогда, когда она нажимала на кнопку кончиком пальца. Когда трезвон перешел сначала в жалобное дребезжанье, а затем замер, мисс Пим повернулась к стене и с удовольствием зарылась лицом в подушку. Это ее не касается. Роса на траве и все такое — это для юных; для великоленной сияющей юности, и пусть это у них будет. А у нее будет еще два часа сна.

Мисс Пим выглядела очень по-детски: круглое розовое личико, аккуратный носик-пуговка и каштановые волосы, уложенные по всей голове волнами, которые удерживались заколками-невидимками. Она очень устала: поездка в поезде, встреча с Генриеттой, лекция. Слабая сторона ее «я» подсказывала, что, по всей вероятности, она уедет сегодня же после ланча, а ее перманенту всего два месяца, и потому волосы на одну ночь можно было совершенно спокойно не закалывать зажимками. Однако отчасти назло слабой стороне своего «я», с которой она постоянно вела жестокую борьбу, отчасти желая оказать честь Генриетте, она вколола все четырнадцать зажимок и проследила за тем, чтобы они несли свою ночную службу. Вспоминая ум и энергию Генриетты (сегодня утром это помогало побороть всякие попытки потворствовать себе), мисс Пим изумлялась тому, как живо в ней желание быть достойной Генриетты. В школе она, маленький крольчонок-четвероклассница, до умопомрачения восхищалась шестиклассницей Генриеттой. Генриетта была прирожденной старостой. Ее талант заключался в исключительной способности следить за

тем, чтобы другие проявляли свои таланты. Именно поэтому, хотя некогда Генриетта и оставила школу, предпочтя готовиться к работе секретарши, теперь она была директрисой колледжа физического воспитания — то, в чем она не смыслила абсолютно ничего. Она совершенно забыла о Люси Пим, как и Люси Пим забыла о ней, пока мисс Пим не написала Книгу.

Так, во всяком случае, сама Люси думала о своем труде. Книга с большой буквы.

Она все еще была сама несколько удивлена Книгой. Ее миссией было учить школьников говорить по-французски. И она занималась этим четыре года, а когда умерли сначала отец, а потом мать, оставив ей двести пятьдесят фунтов в год, Люси одной рукой стерла слезы, а другой написала заявление об отставке. Директриса, с явной завистью и не проявив никакого сочувствия, не преминула заметить, что дивиденды с двухсот пятидесяти фунтов вряд ли могут обеспечить серьезный запас прочности для цивилизованного культурного существования, которого достойны такие люди, как Люси. Но Люси все же ушла и поселилась в цивилизованной культурной квартирке, расположенной достаточно далеко от Кэмден-таун, чтобы считаться находящейся близко к Риджентс-парку¹. Необходимый для существования запас прочности она добывала, давая время от времени уроки французского языка, когда надвигалась плата по счетам за газ, а свободное время проводила, читая книги по психологии.

Первую книгу по психологии Люси прочла из любопытства, ей подумалось, что это может быть интересно. Остальные она прочла, чтобы посмотреть, все ли они такие же глупые. К тому времени, как она прочла тридцать семь книг по психологии, у нее появились об этом предмете собственные мысли, отличающиеся, разумеется, от того, что было написано в тридцати семи прочитанных к этому моменту томах. Эти тридцать семь томов казались ей совершенной несусаицей и так раздражали ее, что она снова и снова садилась и списывала целые стопки бумаги, опровергая изложенное в них. А так как в английском языке для большинства понятий, которыми оперирует психология, нет определений и изъясняться можно, только пользуясь специальным жаргоном, то все ее опровержения выглядели вполне научнообразно.

---

¹ *Риджентс-парк* — аристократический район Лондона. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Этим бы все и кончилось, если бы мисс Пим не воспользовалась оборотной стороной испорченного листка (она печатала на машинке не очень профессионально), чтобы написать следующее:

*Многоуважаемый мистер Сталлард,
я была бы Вам очень признательна, если бы Вы не включали радио
после одиннадцати вечера. Оно мне очень мешает.*

Искренне Ваша

Люси Пим

Мистер Сталлард, с которым она не была знакома (его имя значилось на дощечке на двери этажом ниже), явился лично в тот же вечер. В руке он держал ее письмо и показался Люси очень разгневанным, так что она несколько раз сглотнула, прежде чем смогла произнести хоть какой-нибудь членораздельный звук. Но мистер Сталлард не сердился по поводу радио. Он работал в издательстве, и его обязанностью было читать присылаемые рукописи. Его заинтересовало то, что было напечатано на обороте письма Пим.

Нынче, когда бум прошел, издатель от одного предложения напечатать книгу по психологии упал бы в обморок или позвонил бы, чтобы принесли бренди. Но в прошлом году издательский мир испытал потрясение: британская публика, устав от романов, вдруг проявила интерес к сверхсложным вопросам, как, например, расстояние от Сириуса до Земли или скрытый смысл танцев аборигенов Бечуаналенда. Издатели лезли из кожи, стараясь удовлетворить эту невиданную жажду знаний, и мисс Пим приняли с распростертыми объятиями. Иначе говоря, старший компаньон издательства пригласил ее на ланч и предложил подписать договор. Это само по себе было удачей, но Провидение позаботилось не только о том, чтобы британская публика устала от романов, но чтобы еще интеллектуалы устали от Фрейда и К°. Они жаждали чего-то Нового. И этим Новым оказалась Люси. Таким образом, однажды утром она проснулась не только знаменитостью, но и автором бестселлера. Это ее так потрясло, что она вышла из дому, выпила в кафе три чашки черного кофе и всю оставшуюся часть утра просидела в парке, глядя прямо перед собой.

Ее книга оставалась бестселлером несколько месяцев, и для мисс Пим стало привычным читать лекции по «своей» теме в на-

учных обществах. Тут вдруг пришло письмо от Генриетты. Она напоминала Люси об их совместных школьных днях и звала погостить у нее в колледже, побеседовать со студентками. Люси успела немного устать от бесед, да и образ Генриетты с годами слегка потускнел. Она уже готова была ответить вежливым отказом, как вдруг вспомнила тот день, когда четвертый класс обнаружил, что ее, мисс Пим, полное имя — Летиция (этот позор Люси скрывала всю свою жизнь). Четвертый класс превзошел сам себя, и Люси уже раздумывала, очень ли будет переживать ее мать, если она, Люси, покончит с собой. Потом она решила, что, коли уж на то пошло, мать сама довела ее до этого, дав Люси такое претенциозное имя. Однако тут же на насмешниц набросилась Генриетта, набросилась буквально и метафорически. Ее гневные замечания немедленно повергли насмешниц ниц. Имя «Летиция» уже никогда более не произносилось, а Люси, вместо того чтобы броситься в реку, отправилась домой, где ее ждал рулет с джемом.

Сидя в своей цивилизованной культурной гостиной, Люси вновь ощутила волны горячей благодарности, которые, как когда-то, перекачивались у нее в душе. Она ответила письмом, сообщая, что будет счастлива провести с Генриеттой вечер (врожденная предусмотрительность не была полностью стерта чувством благодарности) и с удовольствием поговорит о психологии со студентками.

Удовольствие она получила большое, подумала Люси, загораживаясь простыней от яркого дневного света. Пожалуй, самая милая аудитория из всех, что она видела. Ряды прелестных головок, превративших голый лекционный зал в нечто похожее на сад. И дружные сердечные аплодисменты. После вежливых хлопков, которыми ее одаривали последние несколько недель в научных обществах, приятно было слушать, как звонко ударяются друг о друга сложенные чашечкой ладони. И вопросы, которые ей задавали девушки, были весьма умными. Хотя психология значилась одним из предметов в расписании, висевшем в преподавательской, мисс Пим почему-то не ожидала, что ее так хорошо поймут студентки, у которых, по-видимому, целые дни работали только мускулы. Конечно, вопросы задавали лишь немногие, так что оставалась вероятность, что остальные были недалекоими.

Ну ладно, сегодня ночью она уже будет лежать в своей удобной кровати, и все это будет казаться сном. Генриетта уговарива-

ла ее остаться на несколько дней, и мисс Пим уже было подда-лась на ее уговоры; но ужин ее сразил. Бобы и молочный пудинг показались ей не слишком вдохновляющей едой для летнего ве-чера. Очень укрепляюще, очень питательно, и все такое, — она в этом не сомневалась. Но это меню вряд ли захочется повто-рить. Генриетта сказала, что преподаватели в колледже питают-ся так же, как студентки, и Люси надеялась, что сомнение, с ко-торым она глядела на бобы, не было замечено. Люси старалась смотреть на них с веселым и довольным видом, но, может быть, ей это не удалось...

— Томми! Том-ми-и! О Томми, дорогая, проснись! Я в отчая-нии!

Сон мгновенно слетел с мисс Пим. Казалось, что отчаянные вопли раздаются у нее в комнате. Потом она сообразила, что вто-рое окно выходит во двор, двор этот маленький, и разговор меж-ду обитательницами комнат через распахнутые настежь окна — естественный способ связи. Мисс Пим полежала, стараясь успо-коить колотящееся сердце, глядя поверх складок простыни на то место, где за бугорком, скрывавшим большие пальцы ее ног, вид-нелся в ракурсе кусок дальней стены. Однако кровать стояла в уг-лу комнаты, окно справа находилось за изголовьем, другое, слева, выходившее во двор, — в изножье, и со своей подушки мисс Пим могла видеть в тонкой вертикальной полоске света только поло-вину открытого окна в стене по ту сторону двора.

— Томми! Том-ми-и!

Темноволосая голова появилась в окне, которое было видно мисс Пим.

— Послушайте, кто-нибудь, — произнесла голова, — бросьте чем-нибудь в Томас, и пусть Дэйкерс прекратит кричать.

— О Грингэйдж¹, душенька, ты просто черствое животное! У меня лопнула подвязка, и я не знаю, что мне делать. А Томми вчера взяла мою *единственную* булавку, чтобы открывать моллюс-ков-береговичков на вечеринке «Два с половиной пенса». Она просто обязательно *должна* отдать мне ее, прежде чем... Томми! Том-ми-и!

— Эй, заткнитесь-ка, — приглушенно произнес еще один го-лос, и наступила пауза. Пауза — почувствовала Люси, — запол-ненная языком жестов.

¹ Greengage (англ.) — Грингэйдж — слива-ренклод.

— И что должна означать вся эта жестикуляция? — спросила темная головка.

— Замолчи, говорю. — Это отчаянным *sotto voce*¹. — Она там!

— Кто?

— Эта Пим.

— Что за чепуха, душенька. — Это был снова голос Дэйкерс, высокий, звонкий, счастливый голос всеобщей любимицы. — Она спит в передней части дома, там, где и остальные сильные мира сего. А как ты думаешь, у нее может найтись лишняя булавка, если я попрошу?

— По-моему, она предпочитает молнии, — вмешался еще один голос.

— Ох, да тише вы! Говорю вам, она в комнате Бентли!

На сей раз наступило настоящее молчание. Люси увидела, как темная головка резко повернулась к ее окну.

— Откуда ты знаешь? — спросил кто-то.

— Джолли² сказала мне вчера вечером, когда раздавала ужин.

Мисс Джоллифф — это экономка, вспомнила Люси и оценила прозвище, данное этой мрачной представительнице рода человеческого.

— И правда, господи! — произнес с чувством голос, говоривший про молнии.

Тишину разорвал звон колокола. Такой же настойчивый, как и тот, что разбудил их. Темная головка исчезла при первых же звуках, и сквозь шум и звон можно было расслышать только голос Дэйкерс, исполненный жалобного отчаяния. Деловые заботы дня смели допущенные светские оплошности и низвели до их истинной значимости, крайне мелкой. Вал звуков поднялся навстречу звону колокола. Захлопали двери, затопали по коридору ноги, всюду раздавались громкие голоса, кто-то вспомнил, что Томас все еще спит, и, после того как брошенные из ближайших окон предметы не смогли ее разбудить, по ее запертой двери была выбита барабанная дробь. А потом послышался шум ног, бегущих по усыпанной гравием дорожке, которая пересекала поросший травой двор. И вот все больше ног бежит по гравию и все меньше по ступеням, журчание голосов нарастает, достигает кульминации и постепенно утихает. Когда шум почти замер в отдалении, по гра-

¹ Вполголоса, приглушенно (*um.*).

² Jolly (*англ.*) — джолли — веселый, радостный.

вию протопала одинокая пара ног, а голос на бегу повторял с каждым шагом: «Черт, черт, черт, черт, черт». Очевидно, Томас, которая любит поспать.

Мисс Пим всей душой посочувствовала неизвестной Томас. Кровать — это чудесное место в любое время суток, но если человек от природы такой соня, что ни дикий трезвон колокола, ни визг соучениц не производят на него никакого впечатления, значит вставание для него — пытка. Наверное, Томас валлийка. Все Томасы валлийцы. Кельты терпеть не могут рано подыматься. Бедная Томас. Бедная, бедная Томас. Люси захотелось найти для бедной Томас такую работу, где можно было бы спать до полудня.

Волны сна накатили на мисс Пим, и она стала погружаться в них глубже и глубже. Интересно, подумала она, «отдает предпочтение молниям» — это комплимент? Наверное; вряд ли станут восхищаться приверженностью к булавкам, так что может быть...

Она заснула.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Два казака шести футов роста били ее кнутами за то, что она упорствовала, желая пользоваться старомодными булавками, тогда как прогресс предписывал молнии. Кровь уже текла у нее по спине, но тут она проснулась и обнаружила, что единственное, что подвергается насилию, — это ее слух. Снова гремел колокол. Люси пробормотала нечто нецивилизованное и некультурное и села. Нет, определенно, ни на минуту после ланча она не останется. В два сорок одну есть поезд из Ларборо, и именно в два сорок одну она и уедет. Прощальные слова сказаны, долг дружбе отдан. Душа мисс Пим наполнилась радостным предвкушением бегства. На платформе она купит полуфунтовую коробку шоколада в знак избавления. Потом, в конце недели, это отразится на шкале весов в ванной комнате, но не все ли равно?

Мысль о весах напомнила мисс Пим о цивилизованной и культурной потребности принять ванну. Генриетта извинилась, что до ваннх комнат преподавателей так далеко; заодно она извинилась, что помещает гостью в студенческий блок, но к фрекен Густавсен приехала из Швеции мать и заняла единственную преподавательскую комнату для гостей; она собиралась оставаться в Лейсе еще несколько недель, пока не увидит и не сможет оценить результаты работы своей дочери на ежегодных показательных выступлениях, которые состоятся в начале следующего месяца. Люси сомневалась, что при ее способности ориентироваться на местности — весьма слабой, по мнению друзей, — она сможет отыскать эту ванную комнату. А бродить, крадучись, по широким пустым коридорам, да еще нечаянно попадать (все может быть) в учебные аудитории — это ужасно. И еще ужаснее блуждать в коридорах, переполненных девушками, поднявшимися на заре, и искать место, где можно осуществить свое запоздалое омовение.

Мысль Люси всегда работала именно так. Ей недостаточно было представить себе одну сторону ужасного обстоятельства, обязательно нужно было вообразить и противоположную тоже. Люси так долго сидела, обдумывая соперничающие между собой аспекты ужасных обстоятельств и наслаждаясь ничегонеделанием, что колокол успел зазвонить еще раз, еще одна волна топочущих ног и кричащих голосов накатила — и омыла тишину утра. Люси поглядела на часы. Было половина восьмого.

Она уже решила было вести себя нецивилизованно и некультурно и «ходить грязнулей», как называла это ее приходящая прислуга; в конце концов, что такое это погружение в воду, как не современная причуда, и если Карл Второй допускал, чтобы от него не очень хорошо пахло, то кто она такая, она, простолюдинка, чтобы скрипеть зубами оттого, что не приняла ванну? Но тут раздался стук в дверь. Спасение явилось. О радость, о счастье, ее дурацкому положению пришел конец.

— Войдите, — откликнулась она радостно, как Робинзон Крузо, приветствующий высаживающуюся на остров компанию.

Конечно, Генриетта пришла пожелать Люси доброго утра. Как глупо было с ее стороны не подумать об этом. В душе она все еще оставалась зайчиком, который не ожидал, что Генриетта вспомнит и побеспокоится о нем. Право, ей, Люси, нужно культивировать в себе образ мышления, более подходящий знаменитости. Может быть, если она будет причесываться по-другому или повторять двадцать раз на дню по системе Куэ...

— Войдите!

Но это была не Генриетта. Это была богиня.

Богиня с золотыми волосами, в ярко-голубой льняной тунике, с синими, как море, глазами и парой дивных, достойных самой сильной зависти ног. Люси всегда обращала внимание на ноги других женщин, потому что ее собственные были для нее источником горькой досады.

— О, простите, — проговорила богиня. — Я забыла, что вы, может быть, еще не встали. Мы здесь поднимаемся ужасно рано.

Люси подумала, что со стороны этого небесного создания было очень мило принять на себя вину за ее, Люси, лень.

— Прошу прощения, что помешала вам одеваться.

Взгляд синих глаз остановился на домашних туфлях без задников, которые стояли посреди комнаты, и так и замер в восхищении. Это были голубые шелковые туфельки, очень женственные,

свидетельствующие об изрядной расточительности, очень воздушные. Совершенно неотразимая безделица.

— Боюсь, они выглядят глупо, — сказала Люси.

— Если бы вы только знали, мисс Пим, что это значит — увидеть предмет, который не является строго утилитарным!

А потом добавила, как будто сама попытка отстраниться от дела возвращала ее к нему:

— Моя фамилия Нэш. Я староста Старших. Я пришла сказать, что Старшие почтут за большую честь, если вы завтра придете к нам на чашку чая. По воскресеньям мы пьем чай в саду. Это привилегия Старших. Там очень приятно, особенно в летний день, и мы действительно будем очень ждать вас. — И она с искренней благожелательностью улыбнулась мисс Пим.

Люси объяснила, что завтра ее здесь не будет, что она уезжает сегодня после полудня.

— О нет! — запротестовала девушка, и неподдельное чувство, прозвучавшее в ее голосе, вызвало у Люси прилив радости. — Нет, мисс Пим, не уезжайте! Вы даже не представляете, какое вы для нас неожиданное счастье. Так редко приезжает кто-нибудь — кто-нибудь интересный. Здесь очень похоже на монастырь. Нам всем приходится так много работать, и у нас не остается времени думать о внешнем мире, и это последний семестр для нас — Старших, и все так мрачно, и все так замкнуты на самих себя: выпускные экзамены, и показательные выступления, и какие найдутся места для работы, и все такое, — мы все до смерти устали и уже не понимаем, что хорошо, а что плохо. И тут приезжаете вы — посланец внешнего мира, цивилизованное существо. — Полусмеясь-полусерьезно она прервала свой монолог. — Вы *не можете* нас покинуть.

— Но лектор из «внешнего мира» приезжает к вам каждую пятницу, — возразила Люси.

Впервые в жизни ей довелось оказаться для кого-то неожиданным счастьем, и она решила, что не должна принимать слепо на веру это определение. Ей вовсе не нравилось, что благодарное чувство переполняло ее и грозило перелиться через край.

Мисс Нэш объяснила ясно, четко и с изрядной долей яда в голосе, что последними тремя лекторами были восьмидесятилетний старец, рассказывавший об ассирийских надписях, чех из Центральной Европы и костоправ, лечивший сколиоз.

— Что такое сколиоз? — спросила Люси.

— Искривление позвоночника. И если вы думаете, что кто-то из них привнес хоть чуточку света и тепла в атмосферу колледжа, вы ошибаетесь. Считается, что лекции должны поддерживать наше общение с внешним миром, но осмелюсь быть и честной, и нескромной, — она явно наслаждалась и той и другой ролью, — платье, которое было на вас вчера вечером, принесло нам больше пользы, чем все прослушанные лекции.

Когда ее книга только стала бестселлером, Люси истратила действительно большую сумму на это платье, и оно все еще оставалось ее любимым. Она надела его, чтобы произвести впечатление на Генриетту. Благодарное чувство готово было перелиться через край.

Однако этого оказалось недостаточно, чтобы сломить здравый смысл Люси. В ее памяти крепко засели бобы. И отсутствие лампы на ночном столике. И отсутствие звонка для вызова прислуги. И вечно призывающий к чему-то трезвон колокола. Нет, она уедет поездом два сорок одна из Ларборо, даже если все студентки колледжа физического воспитания в Лейсе улягутся у нее на пути и будут громко рыдать. Люси пробормотала что-то о назначенных встречах — давая возможность сделать вывод, что ее календарь распух от записей, о том, на каких собраниях она непременно должна присутствовать, где ее ждут, — и попросила мисс Нэш пока что проводить ее в преподавательскую ванную.

— Мне бы не хотелось блуждать по коридорам, а звонка, чтобы вызвать кого-нибудь, я не нашла.

Посочувствовав Люси, лишенной необходимых услуг — «Элизе, конечно, следовало бы помнить, что в этих комнатах нет звонков, и самой прийти к вам; Элиза — это горничная, которая обслуживает преподавателей», — мисс Нэш предложила мисс Пим воспользоваться студенческими ванными комнатами — они гораздо ближе.

— Конечно, это «кубики», я хочу сказать, у них перегородки не до потолка и пол из обыкновенного бетона, а в преподавательских — бирюзовый мозаичный, с рисунками в хорошем вкусе — дельфины, например. Но вода та же самая.

Мисс Пим с радостью согласилась воспользоваться студенческими ванными комнатами, и, пока она собирала купальные принадлежности, часть ее мозга, оставшаяся незанятой, обдумывала отсутствие у мисс Нэш приличествующего студентке почтения к преподавателям. Это что-то напомнило мисс Пим Мэри Бэр-

харроу. Четвертый класс состоял из кротких созданий, восторженно трудившихся на ниве неправильных французских глаголов, но Мэри Бэрхарроу, оставаясь старательной и приветливой, обращалась с учительницей французского языка как с равной, и это происходило потому, что отец Мэри был «почти миллионер». Мисс Пим сделала вывод, что во «внешнем мире» — странно, как быстро начинаешь применять клондайкские¹ термины к колледжу, — у мисс Нэш, так явно обладавшей присущими Мэри Бэрхарроу очарованием, легкостью и чувством равенства в обращении с людьми, вероятно, тоже есть отец, подобный отцу Мэри Бэрхарроу. Люси еще предстояло узнать, что именно этот факт отмечался в первую очередь при упоминании фамилии Нэш. «Родители Памелы Нэш очень богаты. Знаете, у них есть дворецкий». Никто никогда не забывал упомянуть дворецкого. Для дочерей борющихся за существование докторов, адвокатов, бизнесменов и фермеров дворецкий был такой же экзотикой, как раб-негр.

— Разве вам не надо быть на уроке? — спросила мисс Пим, справедливо полагая, что тишина в залитых солнцем коридорах — это знак того, что девушек поглотили другие помещения. — Наверное, если вас будят в половине шестого, занятия идут и до завтрака?

— О да. Летом у нас до завтрака два урока, один активный, другой пассивный. Практика по теннису и кинезиология, или что-нибудь вроде этого.

— Что это такое — кин... как там дальше?

— Кинезиология? — Мисс Нэш задумалась на минуту над тем, как бы получше сообщить несведущему человеку новые сведения, а потом заговорила, словно цитируя воображаемую книгу: — «Я снимаю с высокой полки кувшин с ручкой; опишите работу, сделанную мышцами». — И когда мисс Пим кивнула, показав, что поняла, продолжила: — Но зимой мы встаем, как все, в половине восьмого. И в это время у нас обычно идут занятия по дополнительным предметам: здравоохранение, Красный Крест и тому подобное. Но теперь с этим покончено, и нам разрешают в эти часы готовиться к выпускным экзаменам, которые начнутся на следующей неделе. У нас очень мало времени на подготовку, так что мы этому рады.

¹ Мисс Пим имеет в виду отношение жителей Клондайка к остальной Америке (ср.: «материк» в разговоре жителей Камчатки о России).

— А разве вы не свободны после чая?

Мисс Нэш почти рассмеялась:

— Что вы! С четырех до шести вечера — клиника. Знаете, приходящие пациенты. Все, что угодно, от плоскостопия до перелома бедра. А с половины седьмого до восьми — танцы. Балет, не народные. Народные у нас утром, они считаются упражнением, не искусством. А ужин кончается около полдевятого, так что к тому времени, когда мы могли бы самостоятельно заниматься, мы уже совсем сонные, и обычно это все превращается в борьбу между желанием спать и попытками одолеть собственное невежество.

Свернув в длинный коридор, ведущий к лестнице, они почти столкнулись с маленькой фигуркой, бегущей со всех ног; одной рукой она прижимала к себе череп и грудную клетку скелета, другой — таз и ноги.

— Зачем вы взяли Джорджа, Моррис? — спросила мисс Нэш, когда они поравнялись с девочкой.

— Ой, *пожалуйста*, не задерживайте меня, Бо¹, — тяжело дыша, проговорила та, крепче прижимая к правому боку свою странную ношу и продолжая стремительно нестись вперед, — и, *пожалуйста*, забудьте, что вы меня видели. То есть что вы видели Джорджа. Я хотела проснуться пораньше и отнести его обратно в лекционный зал до первого колокола, но проспала.

— Вы всю ночь просидели с Джорджем?

— Нет, только часов до двух. Я...

— А как же со светом?

— Ну ясно, завесила окно ковриком, — сердито ответила девочка, как человек, вынужденный объяснять очевидное.

— Славная атмосфера для июньского вечера!

— Было как в аду, — призналась Моррис. — Но это был, правда же, единственный способ вызубрить связки, так что, пожалуйста, Бо, забудьте немедленно, что вы видели меня. Я оттащу его обратно на место, прежде чем учителя спустятся к завтраку.

— Вряд ли вам это удастся. Вы обязательно на кого-нибудь наткнетесь.

— О, пожалуйста, не пугайте меня. Я и так ужасно боюсь. И потом, я не знаю, смогу ли вспомнить, как его сцепить.

---

¹ Ваух (*фр.*) — Бо — красивый, прекрасный. В сочетании с фамилией «Бо Нэш» прозвище девушки напоминает об изящном распорядителе танцев XVIII столетия на модном английском курорте Бат.

СОДЕРЖАНИЕ

МИСС ПИМ РАССТАВЛЯЕТ ТОЧКИ <i>Перевод Ж. Грушанской</i>	5
МИСТИФИКАЦИЯ <i>Перевод Р. Бобровой</i>	227
ДЖЕНТЛЬМЕН УДАЧИ <i>Перевод Б. Клюевой</i>	479